

Элис Макдермотт
Искупление
роман

*Перевод с английского
Светланы Арестовой*

phantom press

Москва

УДК 821.111
ББК 84(7Coe)
М15

ABSOLUTION by ALICE MCDERMOTT

Copyright © 2023 by Alice McDermott

Все права защищены. Любое воспроизведение, полное или частичное, в том числе на интернет-ресурсах, а также запись в электронной форме для частного или публичного использования возможны только с разрешения владельца авторских прав.

Опубликовано при содействии Rogers, Coleridge and White Ltd.

Перевод с английского Светланы Арестовой
Редактор Игорь Алуюков

Художественное оформление и макет Андрея Бондаренко

Элис Макдермотт

М15 Искушение: Роман / Пер. с англ. С. Арестовой. — М.: Фантом Пресс, 2025. — 384 с.

Захватывающий рассказ о жизни женщин на обочине вьетнамской войны. Американки, жизнь которых оказалась связана с Вьетнамом, пусть и на недолгий срок, всегда были персонажами второго плана, массовой в литературе о войне во Вьетнаме, но в романе Элис Макдермотт они в центре. Это история о женщинах, ставших невольными свидетельницами огромных и трагических событий. Триша — застенчивая новобрачная, которая вышла замуж за подающего надежды инженера, работающего в военно-морской разведке. Шарлин — опытная “корпоративная” супруга и мать троих детей. В Сайгоне эти две женщины образуют осторожный союз, обе — домохозяйки и помощницы своих мужей, но обеих волнует судьба Вьетнама, и они готовы “творить добро” для вьетнамцев. Шестьдесят лет спустя дочь Шарлин, вдохновленная встречей со стареющим ветераном Вьетнама, связывается с Тришей. Вместе они оглядываются на то время в Сайгоне, иронично оценивая поворотный 1963 год и место женщин в те дни — на периферии политики, истории, войны, убеждений их мужей. Виртуозный роман Элис Макдермотт, одной из самых наблюдательных и самых гуманистичных писательниц, — о глупости и благодати, об обязательствах и жертвах, об искушении вины в сломанном мире.

ISBN 978-5-907943-00-1

© Светлана Арестова, перевод, 2025
© Андрей Бондаренко, макет, дизайн обложки, 2025
© «Фантом Пресс», издание, 2025

В те дни коктейльным вечеринкам не было конца. Когда их устраивали утром, мы называли их пикниками, но это все равно были коктейльные вечеринки.

Ты не представляешь, как мы жили в те дни. Женщины, я имею в виду. Жены.

По утрам я обычно принимала ванну и потом до самого ланча ходила в халате: читала, писала письма домой — аэрограммы на тонких голубых бланках, которые складывались хитроумным образом, свидетельство того, думаю я теперь, какими экзотическими казались тогда расстояния.

Я красила ногти, сочиняла милые благодарственные записочки, которыми мы постоянно обменивались, — почтовая бумага с моими новыми инициалами, заказанная к свадьбе, старомодные чернила, изящные обороты, вкрапления французского, россыпь восклицательных знаков. Над головой вращается вентилятор, сквозь решетчатые ставни в полумрак комнаты уже прокрадывается жара, благовонная палочка на комоде источает пряный запах сандала.

Поздний завтрак в гостях, или лекция, или прогулка по шумному рынку, затем — после дневной дремы — опять ванна, влажные волосы выбиваются из-под шапочки для душа, липнут к шее. Облачко талька. Сидя в полотенце, я уже снова чувствовала, как пот покалывает кожу. Пудра, румяна, помада. Затем хлопковые трусы с высокой талией (надеюсь, ты смеешься), внушительный хлопковый бюстгальтер, пояс для чулок с ромбом из блестящей эластичной ткани посередине. Щелчок подвязок. Чулки, которые сперва надевали на руку и разглядывали на просвет, носок, пятка и верх уплотненные.

Подвязки мы застегивали осторожно. Натянешь чулок слишком сильно — и поползет стрелка.

Ты не представляешь, какие домыслы могла повлечь в те дни стрелка на чулке: женщина пьяна, неряшлива, несчастна, ей безразлична карьера мужа (и даже он сам), ей не терпится уехать домой.

Комбинация, затем платье-футляр — белые подкладки на крошечных английских булавках под мышками, — затем туфли, украшения, капелька духов. Когда я спускалась в этом коконе из одежды на первый этаж, у меня кружилась голова. Питер, мой муж, ожидал меня в гостиной — чисто выбритый, элегантный в костюме из легкой ткани, белой рубашке и тонком галстуке, с первым бокалом в руке, сам уже слегка пришлепнутый жарой.

А девушки, попадавшие нам на улицах, или встречавшие нас на порогах домов, или мелькавшие на периферии зрения в белых аозаях — безмятежные, невесомые, прекрасные, — были похожи на

бледные листочки под жарким солнцем, подрагивающие во влажной тиши от невидимого ветерка.

Все началось на одном воскресном пикнике в первые недели нашей жизни в Сайгоне. Пикник проходил в элегантном дворике виллы недалеко от собора Сайгонской Богоматери. Чудесная улочка, засаженная тамариндовыми деревьями. Через несколько минут после нашего прихода я обернулась и увидела у калитки молодую семью, медлившую под водопадом красной бугенвиллеи, словно позируя для фотографии. Младенец на руках у стройной матери, а рядом дочка и высокий муж в светлом костюме — как я потом узнала, еще один инженер. Уже гораздо позже, десятки лет спустя, я спросила себя (подумать смешно), зачем во Вьетнаме понадобилось столько американских инженеров.

Мне тогда было двадцать три. Я окончила манхэттенский колледж Мэримаунт и год до замужества работала воспитательницей в детском саду при гарлемской приходской школе, но моим настоящим призванием, моей главной целью в те дни было стать подспорьем для мужа.

Так я это называла — подспорье. Так назвал это мой отец, когда взял мои руки, обтянутые белыми перчатками, в свои ладони, пока гости стекались в церковь в Йонкерсе. Мы с отцом сидели в комнате невесты — небольшом помещении в глубине церкви. Крохотное витражное оконце, низенькая скамеечка (видимо, для последней молитвы), коробка с бумажными платками (для последних слез), зеркало в резной оправе, два кресла с парчовой обивкой.

Прохладный запах старого камня и свежих цветов из моего букета. Отец положил наши сплетенные руки мне на колени, и пышная тюлевая юбка подвенечного платья даже в тусклом свете поблескивала мелким жемчугом.

— Будь подспорьем для мужа, — сказал он. — Жемчужиной в его короне.

— Хорошо, папа, — ответила я.

Девочка, так прелестно позировавшая с родителями и маленьким братом, — это была ты.

Ей было семь или восемь, и, как и все мы, она пришла в лучшем выходном наряде — желтое, почти золотое платье со сборками на талии и фестонами на воротнике и рукавах. Одной рукой она, точно скипетр, прижимала к себе куклу Барби. До этого я, кажется, Барби не видела.

Когда семью представили — мой муж был с ними уже знаком, — я наклонилась к девочке и, как водится, стала расспрашивать ее о кукле. Если честно, я была только рада уделить ей внимание, изобразить добрую тетю.

Я еще не успела избавиться от своей жуткой застенчивости, но умела отодвигать ее в сторону — унимать дрожь перед рукопожатием, делать глубокий вдох, перед тем как заговорить. Я хотела быть подспорьем своему мужу, а все эти коктейльные вечеринки, и пикники, и званые обеды с дипломатами, и военными, и бизнесменами, и советниками всех

мастей были важны для его карьеры — ведь, как выразился мой муж, так в Сайгоне делаются дела.

У девочки был тихий голос и хорошие манеры (она отвечала мне: “Да, мэм”), ожидавшие в те времена от всех детей. Детей должно быть видно, но не слышно. Показывая мне туфельки Барби — с открытым носом, на высоком каблуке — и красивое платье в цветочек, она почти шепотом объяснила, что Барби продавалась в одном лишь купальнике, но к ней можно докупить любое количество нарядов: коктейльные платья, форму медсестры и стюардессы, даже свадебное платье, стоившее — от непостижимости суммы она затаила дыхание — пять долларов.

Девочка достала из сумочки, которую держала на локте, крошечный буклетик с иллюстрациями всевозможных нарядов для Барби.

Тут к взрослой беседе, проходившей у нас над головами, присоединились двое мужчин, вытесняя меня, как мне это виделось, из общего круга. Мне не хотелось отворачиваться от девочки, такой важной, такой серьезной. Но также мне не хотелось задерживаться на периферии взрослой компании, ожидая, когда меня пригласят обратно. Поэтому я отвела ее в сторону — к плетеному диванчику за увитым цветами трельяжем.

Мы вместе листали каталог, и она показывала, какие наряды у нее уже есть, а какие она “надеется получить”. Многие уже были отмечены аккуратным крестиком.

У нее тетя в Нью-Йорке, объяснила девочка. Деловая женщина и регулярный поставщик нарядов для

Барби. Иногда тетя носит твидовый костюм с шляпкой-таблеткой, совсем как вон тот, из каталога, образ называется “Карьерная девчонка”.

Меня все это умиляло. Я росла с круглолицыми пупсами, чей гардероб состоял из одного праздничного платья или курточки с шапкой, а мои игры заключались в том, чтобы катать куклу в коляске по тротуару или прикладывать пластмассовую ложку с невидимой едой к бутону ее рта. Но вот кукла, которую не нужно мыть, кормить и укладывать спать. Кукла для тысячи разных игр: медсестра, красавица с Юга, студентка, состоящая в тайном обществе, певица из ночного клуба (*Très chic*¹, — сказала я про ее откровенный наряд), невеста.

Вскоре к нам присоединилась мать девочки — молодая женщина с пухленьким младенцем на руках.

У Шарлин были густые светлые волосы с рыжеватым отливом, убранные назад при помощи тонкого ободка, веснушчатое лицо, вздернутый нос и стреляющие по сторонам зеленые глаза. В ровной линии волос над загорелым лбом было что-то царственное и хищное. Я встречала такой типаж в Мэримаунте: она обладала здоровой, атлетической, врожденной, как мне это представлялось, уверенностью в себе человека из богатой семьи. Кстати, первое, о чем она спросила, — это играю ли я в теннис: она искала пару. Я не играла.

Затем, наклонившись над дочерью, она протянула мне младенца:

1 Какой шик (*фр.*).

— Не подержите его секундочку? — Выбора она мне не оставила. Казалось, если я не возьму его, он просто упадет в траву. — Мне *очень надо* пожурчать, — шепнула она.

Я уже замечала эту черту у женщин ее породы, они умели найти легкую добычу, девушку со скромными средствами и безотчетной — врожденной — тягой угождать.

— С удовольствием, — искренне ответила я.

И взяла младенца на руки, теплый кулек в голубых ползунках. Глаза у него теперь были широко распахнуты. Шарлин выпрямилась (“Я мигом!”), и, как только она скрылась в доме, крошечный ротик скривился и младенец захныкал. Я прижала его к груди и положила подбородок ему на голову. Затем стала легонько похлопывать по спине. Он быстро успокоился.

Мы и сами надеялись завести детей — с месяца на месяц, говорила я себе, — и я почувствовала прилив уверенности. Из меня выйдет чудесная мать.

Тут младенец икнул, потом еще раз, и по моей шее потекла теплая отрыжка. Секунду спустя, когда я отняла его от груди, его начало тошнить — энергично и обильно, как это бывает у грудничков. Я почувствовала, как рвота затекает в лиф платья. Пресный, пшеничный запах детского питания, не сильно изменившийся от самого факта извержения. Теплая жижица скапливалась у меня в бюстгальтере.

Ничего нельзя было сделать. Я усадила младенца себе на колени, вытерла его подбородок и рот большим пальцем и стала баюкать его, массируя ему спину. Он еще несколько раз икнул, затем притих, затем

передумал — ручки забарахтались, застыли в воздухе — и заревел. Его сестра сказала:

— О нет... — и спрятала лицо в ладонях, словно не желая быть свидетелем этой сцены. — Ваше красивое платье, — пробормотала она.

Я заверила ее, что все в порядке, но с младенцем на коленях я даже не могла достать из сумочки салфетку, чтобы вытереться.

Я видела, как другие гости оборачиваются, застывают на секунду — нарядные, опрятные, взрослые, — и чувствовала себя бестолковым ребенком. Мужчины отводили взгляд, будто у меня вдруг пошли месячные, зато ко мне подбежали три жены, но я была в таком смятении, что их участливость казалась мне издевкой. Они стали аккуратно промокать лиф моего платья льняными салфетками, но заметной пользы это не принесло. Одна из них забрала у меня младенца — подтверждение, как мне это виделось, моей несостоятельности, — а другая, хозяйка дома, взяла меня под локоть.

— Пойдемте, дорогая, — сказала она. Это была женщина средних лет с короткими седыми волосами. Тоже чья-то жена. Она накинула большую розовую салфетку мне на грудь, будто вся моя одежда вдруг стала прозрачной. — Мы приведем вас в порядок.

Она повела меня сквозь толпу гостей в сад. Я замечала, как люди расступаются перед нами, их молчаливые, оценивающие взгляды. Наверное, некоторые подумали, что стошнило меня. Что я беременна — или *напилась*. Я попыталась сказать об этом хозяйке,

но она лишь пробормотала что-то успокаивающее и снова прижала салфетку к моей груди, будто я неразумное лопочущее дитя.

Гостиная была просторной, прохладной и красиво обставленной. Розовые и зеленые пятна шелковых подушек, плетеные кресла. Сияющие плитки пола, лопасти вентиляторов, крутящиеся над головой. В дальнем конце комнаты появилась девушка — прислуга — и бесшумно приблизилась к нам.

— У бедной миссис Келли случилась авария, — начала хозяйка, и я удивилась, что она знает, кто я такая, хотя к этому времени уже достаточно изучила этих женщин и могла бы не удивляться. — Малыш с коликами. Надо ей помочь.

Затем она вполголоса дала указания на французском. От растерянности я не поняла ни слова, но, очевидно, она просто повторила то, что уже произнесла ради меня по-английски.

Девушка сочувственно кивнула, и хозяйка передала ей мой локоть и розовую салфетку, которую все еще прижимала к моей груди. Меня вывели во дворик и провели через маленькую кухню с узким столом, где работали еще две девушки, а крупный мужчина в белом — должно быть, повар — резким голосом раздавал приказы. Мы проскользнули мимо, пересекли еще один дворик и попали еще в одну маленькую комнату — комнату для шитья. Свет, проходящий сквозь занавески, создавал такой необычный

эффект, что на секунду мне показалось, будто стены колышутся, как в шатре. На фоне широкого окна темным силуэтом вырисовывалась машинка “Зингер”. Рядом стояла гладильная доска с маленьким черным утюгом, чуть подальше — квадратный стол для кройки, тут и там виднелись рулоны светлой ткани. Даже поверх запаха детского питания я уловила нотки крахмала, аромат свежевыглаженного белья и сразу подумала о маме.

В углу стояла трехстворчатая ширма, на которой, словно напоказ, висело элегантное коктейльное платье из шелка-сырца, приталенное, с юбкой-тюльпаном, красивого оттенка зеленого.

Девушка показала на ширму, кивнула и сделала вид, что расстегивает невидимое платье. Я тоже кивнула, улыбнулась и поблагодарила ее. От неловкости я поблагодарила всех вокруг. За ширмой была низенькая скамеечка, под которой валялись обтянутые шелком туфли с водяными разводами. На атласных плечиках очаровательным контрапунктом очень западному коктейльному платью висел белый аозай.

Сначала я сняла жемчужное ожерелье. Питер купил его в Гонконге — его первая поездка на Восток, сразу после нашей помолвки. Я понюхала ожерелье, пытаясь понять, останется ли запах на нитке. Затем скинула туфли и расстегнула молнию на платье — оно было облегающим, из бледно-голубого льна с шелковой подкладкой. Очень в стиле Джеки, подумала я, увидев его на витрине “Вудворд энд Лотроп”. Больше всего пострадала изнанка украшенного фестонами лифа. Платье было испорчено, я в этом не сомне-

валась. Я аккуратно сняла его. Под мышками, словно закатившиеся в неведение глаза, торчали белые вкладыши.

Я не знала, нужно ли снимать что-то еще. Кружевной лиф комбинации тоже промок; по ощущениям, в лифчике скопилась целая унция рвоты.

Пока я медлила, девушка вернулась — с тазиком воды и двумя белыми полотенцами. Полотенца она отложила в сторону, а затем, словно это был наш обычный ритуал, стянула с меня комбинацию и приступила к застегкам на лифчике.

Вот теперь, оставшись в одних трусах и чулках, я бы с радостью прикрылась большой розовой салфеткой, но девушка усадила меня на скамейку, расстелила у меня на коленях полотенце, помешала теплую воду в тазу — воздух наполнился ароматом лаванды — и намочила плотную тряпочку. Затем медленно и бережно обтерла мне шею, зону декольте и грудь. Неприметная, скуластая, она не относилась к числу вьетнамских красавиц — щеки круглые, рот большой, кожа не идеальная, — зато у нее была добродушная улыбка, а в теплом дыхании чувствовался приятный сладкий аромат. Она обтерла меня сухим полотенцем и подала розовый шелковый халат — надо полагать, с плеча хозяйки дома.

— Одевайте, — прошептала она. Затем перекинула через руку платье, комбинацию и бюстгальтер, собрала полотенца и взяла таз с водой. Перед уходом она улыбнулась. Хотя мы были примерно одного возраста, я чувствовала себя под материнским крылом. — Все будет хорошо, — сказала она.

Оставшись одна, я не знала, что делать дальше. Я вдруг поняла, что совсем забыла о Питере: возможно, он искал меня, возможно, кто-то спросил у него: “Это не вашу жену увели в дом?” А может — вероятнее всего, — хозяйка шепотом объяснила ему, что произошло.

Мне снова стало жутко стыдно, хоть я и понимала, что стыдиться нечего. Я чувствовала, что опозорилась — хуже, показала свою некомпетентность. Знала бы другая женщина, мать, как держать младенца, чтобы избежать аварии? Предвидела бы извержение по скривившемуся рту? Я была единственным ребенком в семье, маме было сорок, когда я родилась, и пятьдесят семь, когда она умерла. Опыта с младенцами у меня почти не было, и я переживала из-за этого, ведь совсем скоро младенец мог появиться и у нас.

С детьми постарше я справлялась прекрасно. Иногда я шутила, что защитила по ним диплом. До замужества я год работала в детском саду Гарлема, наслаждаясь каждой минутой: дети были очаровательны, а моя компетентность воодушевляла (все-таки я буду замечательной матерью!), но младенцы меня пугали — младенцы, которых, подобно диким зверям, или пьяницам, или сумасшедшим, нельзя ни уговорить, ни подкупить, ни отвлечь от их печалей с помощью печенья, сказки или игры.

Младенцы, которые могут оторвать восемь унций юре прямо в вырез твоего любимого платья на пикнике в саду, где полно дипломатов и инженеров, экономистов и генералов.

Сидя в углу за ширмой, совсем как наказанный ребенок, я вдруг подумала, что мать младенца, веснуш-

чатая теннисистка из богатой семьи, прекрасно знала, что делает, оставляя его со мной. *Пожурчать*, ну конечно, думала я. Она знала, что младенец скоро срыгнет, и вовремя от него избавилась.

Я встречала ее типаж. В колледже. Такие девушки умели — своего рода *noblesse oblige*¹ — заручаться помощью незнакомцев, но при этом самим не казаться беспомощными. Они все устраивали так, чтобы их проблемы решали другие — одалживали им шарф, или зонтик, или десять долларов, вызывали такси, забирали из химчистки одежду, — а потом шутливо благодарили вас, будто приняли помощь, только чтобы сделать вам приятное.

Я закуталась в хозяйский халат. Плотный шелк приятно холодил кожу. Запахи тканей и крахмала, пропитавшие тесную комнатку, напомнили мне о детстве — о том, как мама гладила белье в лучах вечернего солнца в спальне нашего узенького дома, о шенильном покрывале, с которого я за ней наблюдала, — но гладкость шелка и аромат лаванды, задержавшийся на моей коже, не вызывали тоску по дому, а, наоборот, помогали полюбить это новое место.

Полюбить расстояние, которое я преодолела, и всю здешнюю странность — то красивую, то пугающую, — которую до этого момента я видела словно бы краешком глаза.

Я снова взглянула на белый аозай, висевший на плечиках за ширмой. Как просто и элегантно и как практично — к такому платью не нужны ни подвязки,

1 Происхождение обязывает (*фр.*).

ни пояс для чулок. Ни пудра, ни губная помада, ни бигуди, ни лак для волос — ничего этого не нужно, когда у тебя гладкая кожа и красивые волосы вьетнамской девушки.

Не нужно рукопожатий в перчатках, не нужно, затаив дыхание, изображать спокойную уверенность, когда вместо этого куда проще, куда естественнее склонить голову и опустить глаза.

Не нужно прикрывать неприятный сюрприз на пикнике веселенькой салфеточкой, не нужно облупившегося на солнце атлетизма, из-за которого вопрос “Вы играете в теннис?” звучит как оценка характера, когда можно просто шепнуть: “Все будет хорошо” — и скрыться, как бледный листок на ветру.

Пока в голове у меня крутились подобные непатриотичные мысли, в комнату вошла виновница случившегося:

— Где она?

Я встала, поплотнее запахнула халат и вышла из-за ширмы.

Да, это была Шарлин. При виде меня она издала смешок, громкий и удивленный, затем поспешно прикрыла рот ладонью и изобразила раскаяние.

— Мне так неловко, — сказала она. Девочка с Барби стояла у нее за спиной. — Нет, правда. Какой кошмар! Надеюсь, ваше платье еще можно спасти.

Она посмотрела в окно за швейной машинкой, и, проследив за ее взглядом, я увидела во дворе веревку, где сушились на солнце платье, комбинация и бюстгальтер. Я почувствовала себя еще более уязвимой из-за того, что эта женщина, эта Шарлин, увиде-

ла мою одежду первой, еще до того, как я узнала, куда ее унесли.

— Надеюсь, вы позволите мне купить новое, если пятна не сойдут? А еще лучше, — она взглянула на девушку, которая только что вернулась со стаканом лимонада на подносе, — попросим Лили сшить вам новое. Точно такое же. Она прекрасная портниха.

Девушка улыбнулась, поставила поднос на стол для кройки и указала на диванчик:

— Вы останетесь?

Моя очень американская подруга замотала головой:

— Нет, дорогая. Мне нужно вернуться в сад. — Затем снова обратилась ко мне: — Я отослала малыша домой со служанкой. Мне правда очень неловко, — весело добавила она, и было очевидно, что никакие угрызения совести не умалят ее упоения собой. — Зря я его взяла. Кент так хотел похвастаться им! Я подумала, что, если накормить его перед выходом, он проспит до самого вечера, но эта жара... — Она пожала плечами. — В общем, зря я. Только испортила вам чудесный пикник.

Сколько всего она успела за столь короткое время — настоящий триумф! Она посмеялась надо мной, подтверждая тем самым, что это самая честная реакция на мое положение — без лифчика и без туфель, в розовом халате, — затем прикрыла смех жалостью, лучшим ангелом своего естества¹. Она продемонстрировала, что чувствует себя здесь как дома: знает, как

1 “Лучшие ангелы нашего естества” — ставшая крылатой фраза из первой инаугурационной речи Авраама Линкольна.

зовут служанку, что та отличная портниха, заодно подчеркнув, что я тут новенькая, посторонняя. Она показала себя преданной женой своему мужу, любящему отцу, а под занавес намекнула, что я пришла на пикник ради развлечения, а не потому что так в Сайгоне делаются дела.

Шарлин обратилась к Лили на беглом французском, затем повернулась ко мне.

— Нет, вы просто обязаны позволить мне заплатить, если пятна не сойдут, — сказала она, будто я уже что-то ей возразила.

— Не волнуйтесь, — медленно произнесла Лили по-английски. — Все будет хорошо.

— Правда? Чудненько! — ответила Шарлин, словно теперь вопрос был исчерпан. — Значит, вы совсем скоро к нам присоединитесь.

Затем ее взгляд упал на коктейльное платье, висевшее на ширме у меня за спиной. В нем мелькнуло яростное любопытство, возможно, даже зависть.

— Какая прелесть. Это для миссис Кейс?

Лили скромно склонила голову:

— Для дочки.

— А, ну конечно! Такой свежий цвет. — Шарлин обернулась к собственной дочке: — Правда же, прелесть, Рейни?

Девочка кивнула:

— Цвет красивый.

— Не то слово, — сказала Шарлин, не отрывая взгляда от платья. Не пытаясь включить в беседу кого-то еще. Можно было подумать, что мать и дочь остались в комнате одни.

Обе подошли поближе, чтобы коснуться ткани, приподнять подол, взглянуть на тюлевый подъюбник. Шарлин упомянула свадьбу двоюродной сестры. Для весны и лета просто идеальный оттенок зеленого. Наконец она встряхнула головой, словно пробуждаясь ото сна:

— Ладно, мне пора. Кент с ума сойдет. — И направилась к выходу.

Но ты так и стояла на месте, прижимая к себе Барби, сумочка из лакированной кожи слегка покачивалась у тебя на локте.

Шарлин оглянулась на пороге:

— Ах да. Когда мы ходили к машине, Рейни взяла одежду для Барби. Она хотела вам показать. — Шарлин пожала своими загорелыми, веснушчатыми плечами, словно бы в знак того, что ей неловко просить об этом пустячном (как свидетельствовала ее улыбка) одолжении. — Вы же не против? Пока вы тут сидите, она покажет вам пару вещей. На пикнике она умрет со скуки.

— Конечно, — сказала я. — С удовольствием посмотрю.

Слова прозвучали фальшиво, хоть и были правдой.

— Ладно, зайка. Не будь обузой, — бросила она дочери. — Закончишь, найди меня в саду.

Так меня понизили до твоей подружки по играм.

Лили вышла вслед за Шарлин, а мы с тобой уселись на диван.

Надо признать, одежда для Барби была очень красивой. Крошечные молнии и застёжки, даже перламутровые пуговицы. Ты вынула из сумочки три платья

и разложила их на сиденье между нами. С деловитостью своей матери ты открыла маленький каталог нарядов, чтобы показать мне, что каждое платье в точности соответствует иллюстрации и описанию.

Затем, словно мы всю жизнь вместе играли в куклы, ты спросила:

— Какое примерим?

Я выбрала облегающее платье с длинными рукавами и синей лентой на поясе, но сразу же поняла, что промахнулась.

— Вам не кажется, что ей будет в этом жарко?

Ты болтала ногами в воздухе. На пухлой коленке я заметила пластырь. Падение на теннисном корте?

— И правда, — ответила я и выбрала белое платье без рукавов с мелкими розами.

Пока ты переодевала Барби, вернулась Лили еще с одним стаканом лимонада. Я будто снова услышала голос твоей матери.

— Большое спасибо. Поставьте, пожалуйста, вон на тот столик, — велела ты.

Лили послушно поставила стакан рядом со швейной машинкой и застенчиво подошла к нам, заинтригованная изящными нарядами.

Я протянула ей отвергнутое платье с длинными рукавами, и она стала разглядывать маленькие застёжки и швы. Когда Барби облачилась в новый, более легкий туалет, Лили подняла голову.

— Хотите посмотреть? — спросила ты покровительственным тоном, разбавленным детской щедростью.

— Да, пожалуйста, — ответила Лили. — Очень красиво.